
Я ЗДЕСЬ
ПУТЬ НАБЛЮДАТЕЛЯ
История о жизни,
которая ведёт через испытания
к осознанности и свободе
КОНСТАНТИН ФЕЛЬЧУК
РЕАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ
18+

Константин Фельчук

Я здесь. Путь наблюдателя

«Де’Либри»
2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

Фельчук К. В.

Я здесь. Путь наблюдателя / К. В. Фельчук — «Де'Либри», 2026

ISBN 978-5-4491-3324-3

Эта книга — честная история о том, как через испытания, утраты и внутренние кризисы можно прийти к себе. Осознать смысл в мире, который постоянно меняется. Она о наблюдениях, принятии и умении оставаться человеком, когда привычные ориентиры исчезают. Это путь человека, который учится не бороться с жизнью, а видеть её. И в простом — находить настоящее.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4491-3324-3

© Фельчук К. В., 2026
© Де'Либри, 2026

Содержание

О чём эта книга 6
Часть I. Первые вопросы 7
Глава 1. Утро, с которого я себя помню 7
Глава 2. Мир без границ 9
Глава 3. Откуда оно знает? 10
Глава 4. Дедушка знает всё 11
Глава 5. Парасковья 13
Глава 6. За этой тканью 14
Глава 7. До моей памяти 16
Глава 8. Имя 18
Глава 9. Первый класс 20
Глава 10. Водохранилище 21
Глава 11. Перед пустотой 22
Глава 12. Пять дней, которых нет 23
Глава 13. Когда вернулся свет 24
Глава 14. Человека больше нет 26
Глава 15. Женщина у калитки 27
Глава 16. По ту сторону забора 28
Глава 17. Он вернулся 30
Глава 18. Ангел, которого я не видел 31
Глава 19. За дверью 32
Глава 20. Внутри нового мира 33
Глава 21. Первые трещины 34
Глава 22. Тайна, которой не оказалось 35
Глава 23. Другая дверь 36
Глава 24. Мир в капле 37
Глава 25. Человек, который почти не улыбался 38
Глава 26. То, чего тоже не видно 39
Часть II. Расширение карты 40
Глава 27. Москва стала больше 40
Глава 28. Пани ванда 42
Глава 29. Пирамида 44
Глава 30. Физика, которую я не любил 46
Глава 31. Когда мир раскрылся слоями 47
Глава 32. Дирижёр 48
Глава 33. Мой живой кабинет 49
Глава 34. Самолёт, которого ещё не было 50
Глава 35. Первый полёт 51
Глава 36. После молнии 52
Глава 37. Кто приносит личность? 53
Глава 38. Август, который всё заглушил 54
Глава 39. Первый вакуум 55
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Константин Фельчук
Я здесь. Путь наблюдателя

Первая мысль об этой книге, её замысел и первые строки появились в моём блокноте в Италии.

© К. Фельчук, текст, 2026

О чём эта книга

Эта книга не попытка доказать существование Бога, души, судьбы или одной окончательной истины. И не инструкция по просветлению. Это история человека, который с детства пытался понять: откуда семечко знает, каким растением стать? Где заканчивается Вселенная? И кто тот, кто всё это переживает?

Сначала я искал ответы у мамы, дедушки, учителей, в церкви, биологии, электричестве и книгах. Потом появились Москва, любовь, работа, смерть, отношения, интернет, духовные системы и собственный опыт. Мне казалось: если собрать достаточно частей, однажды сложится полная карта реальности.

За годы поиска я встречал людей, которые говорили уже из точки «я понял». Мне же хотелось увидеть дорогу до неё – ошибки, страхи, обычную жизнь, неверные интерпретации, моменты, когда слова расходились с поступками. Поэтому здесь я открываю дверь назад и показываю не только выводы, но и человека по пути.

В этой книге существуют два меня. Первый – я внутри своего возраста, знающий только то, что мог знать тогда. Второй – я сегодняшний, который способен сказать: я верил в это; я ошибался; я до сих пор не понимаю; я не знаю.

Я разделяю факт, семейную память, личное переживание и интерпретацию. Между «я пережил это» и «я знаю, что это было» существует огромная разница. Это не карта, по которой я предлагаю идти. Это попытка честно показать, как моя карта складывалась, разрушалась и собиралась заново.

Я всю жизнь наблюдал. Теперь я хочу посмотреть на того, кто всё это время наблюдал.

Часть I. Первые вопросы

Глава 1. Утро, с которого я себя помню

Я помню утро, которого, возможно, никогда не было.

Не в том смысле, что я его придумал. Просто память странно обращается с первыми годами жизни. Она не хранит их как видеозапись. Она оставляет запах, свет, звук, лицо, ощущение. А потом спустя много лет несколько разных дней вдруг срастаются в один.

Поэтому я не могу сказать, что всё происходило именно в это утро. Но если меня спросить, каким было первое мгновение, когда ты помнишь себя в этом мире, я увижу именно его.

Мне около четырёх лет. Примерно 1993–1994 год. Я открываю глаза в своей спальне.

Дом уже построен. Большой – примерно четырнадцать метров в длину и десять в ширину, полтора этажа. Он стоит немного на склоне, на самой крайней улице посёлка. Дальше – луг, поля, небо.

У дома большой двор, за ним огромный огород. Но четырёхлетний ребёнок не измеряет землю сотками. Для него это просто территория, у которой почти нет конца.

Окна большие, стеклянные. Летом они почти всегда открыты. Ночь была жаркой, а утром через окно входит свежий тёплый воздух. Лёгкая занавеска двигается от ветра. На стене лежит солнечный свет.

Снаружи мир уже давно проснулся. Кричит петух. Лают собаки. Где-то мяукает кошка. Слышны птицы. Открываются ворота. Звенит ведро. Кто-то набирает воду. Вдалеке может пройти трактор. Из соседнего двора доносится голос. Где-то играет радио.

Это не тишина деревни. Это негромкий шум жизни. Все чем-то заняты: люди, животные, земля.

Из окна виден двор. Дальше – луг. В те годы там ещё оставались кусты дикой розы и другие эфиромасличные растения. Утренний воздух смешивал запахи: немного лаванды, сильнее – дикой розы.

И ещё один запах – чебуреки с творогом. Мама уже давно проснулась, успела приготовить еду и вышла заниматься хозяйством. Я могу её не видеть и даже не слышать, но знаю: она где-то рядом.

Наверное, это одно из самых чистых ощущений раннего детства. Тебе не нужно видеть человека, чтобы чувствовать безопасность его присутствия. Мама существует где-то за стеной или во дворе – и поэтому с миром всё в порядке.

Когда она понимает, что я проснулся, возвращается и накрывает на стол. Иногда рядом спит брат. У нас были разные спальни, но мы часто спали в одной комнате.

Я встаю и вполне могу сразу босиком выбежать во двор. Особенно если у собаки недавно появились щенята. Тогда завтрак может подождать. Сначала надо проверить щенков. Потом зайти к кроликам – как будто поздороваться.

А дальше ноги сами несут в сад.

Сад для меня был отдельным миром. Можно было сорвать виноград, найти спелую сливу, абрикос или персик и позавтракать прямо среди деревьев. Мы часто ели немытыми, хотя мама ругалась. Она собирала фрукты в корзину и мыла их у уличного крана при выходе из огорода. Но до крана фрукт часто просто не доживал.

Сегодня мне трудно назвать один вкус детства. Возвращает почти всё: виноград, слива, персик, абрикос. Иногда вкус работает как скрытая кнопка памяти. Ты взрослый человек, находишься в другом месте, прошли десятилетия – и вдруг на секунду снова появляется тот сад.

Где-то между этим светом, запахом, шумом двора и открытым окном впервые появляется чувство, которое спустя много лет я могу выразить двумя короткими словами: *я здесь*.

Наверное, с этого и стоит начать мою историю. Не с Бога. Не с духовности. Не со смерти. Не с поиска смысла. А с самого простого открытия: я существую.

Глава 2. Мир без границ

В четыре-пять лет я ещё не чувствовал границ своего мира.

Мама, конечно, следила за нами. Думаю, даже когда мне казалось, что я совершенно свободен, она всё равно наблюдала одним глазом: где дети, куда пошли, не ушли ли слишком далеко. Но ребёнок этого контроля почти не чувствовал. Он чувствовал свободу.

Можно было выйти из дома и исчезнуть во дворе. Потом в саду. Побежать к животным. Забраться куда-нибудь. Вернуться. Снова убежать.

Таким этот мир сохранился в моей памяти: летом окна могли оставаться открытыми, двери – тоже, даже ворота. Сосед мог просто открыть калитку и зайти. Дети с улицы могли забежать на кухню и спросить у мамы, есть ли пирожок. И мама давала.

Дом не заканчивался входной дверью. Двор не заканчивался воротами. Всё каким-то образом перетекало одно в другое: дом, улица, сад, соседский двор, поле, люди, животные.

Во дворе рос большой грецкий орех. Примерно в пять-шесть лет я решил построить на нём домик. Не высоко – в средней части, там, где от толстого ствола расходились мощные ветви.

Сначала я закрепил пол проволокой. Потом разобрал большие ящики из очень плотного картона и сделал из них крышу – две плоскости сходились сверху почти буквой А.

Когда шёл дождь, я мог залезть туда и прятаться под своей картонной крышей, слушая, как капли стучат сверху.

Я строил один. И родители не запретили. Мама не потребовала немедленно слезть, отец не разобрал конструкцию. Мне дали попробовать самому.

Наверное, в этом тоже была форма любви, которую ребёнок почти не замечает: тебе дают пространство ошибаться, строить, исследовать.

Перед нашим домом пространство раскрывалось особенно широко. Мы жили на крайней улице посёлка. Справа и слева – соседские дома и огороды. Прямо перед нами – луг, потом дорога между районами, а дальше большое поле.

Поле каждый год становилось другим. Подсолнечник. Кукуруза. Зерновые. Горох. Весной земля могла казаться пустой, а через несколько месяцев перед домом уже стоял новый мир.

Для ребёнка ежегодной интригой было: что посадят в этом году?

В начале девяностых в поле ещё оставались ряды и группы дикой розы. В 1993 году запах был частью лета, а потом кусты начали выкорчёвывать. К 1994–1995 годам этот запах почти исчез.

Наверное, это одно из первых воспоминаний о том, что мир способен меняться без твоего разрешения.

Мы часто ходили в поле. Жара, пчёлы, насекомые, высокие растения, запах земли. Для взрослого между домом, лугом, дорогой и полем существует карта. Для меня её не было.

Я вообще не помню ощущения: вот здесь заканчивается мой мир. Мир просто продолжался. За двором был луг. За лугом – дорога. За дорогой – поле. За полем – ещё что-то.

> *Возможно, поэтому много лет спустя меня так мучил вопрос о конце Вселенной: я слишком рано привык к мысли, что за каждой границей должно быть продолжение.*

Глава 3. Откуда оно знает?

Весной мама начинала заниматься огородом. Я видел, как она брала тяпку, делала в чёрной земле небольшие ямки, клала туда семена и снова закрывала их землёй.

Для взрослого – обычное дело: посадил, полил, ждёшь. Для меня это было совершенно непонятно.

Я ходил за мамой и спрашивал: «А когда они выйдут?» Через некоторое время снова: «Мам, а уже вышли?» Потом ещё раз: «А когда?»

Наверное, в какой-то момент она решила дать мне возможность увидеть весь процесс самому.

– Котя, возьми баночки. Набери земли. Посадим туда семечки и поставим рядом. Тогда сам будешь смотреть, как они растут.

Земля у нас была почти чёрная – густой молдавский чернозём. Я набирал её прямо из огорода и засыпал в стеклянные банки.

Мама объясняла: семечко нельзя прятать слишком глубоко. Нужно чуть-чуть прикрыть землёй. Воды тоже нельзя наливать много – сгниёт. И обязательно солнце.

Я сам пальцем делал неглубокие ямки и клал туда семена. Помню точно дыню и огурец. Были помидоры, кабачок, кажется, подсолнух.

Все банки мы выставили на открытый балкон. И у меня появилась обязанность, которую никто мне не поручал: проверять их.

Я мог выйти утром, посмотреть, через час снова посмотреть, потом ещё раз. Обычная банка, чёрная земля, и где-то внутри лежит маленькое сухое семечко.

А потом однажды земля раскрылась. Появилось что-то зелёное. Совсем маленькое.

Я буквально запищал от радости и побежал за мамой: «Мама! Вышло!»

Самым удивительным оказалось даже не то, что росток появился, а то, как быстро он менялся. Я мог посмотреть на него днём, потом прийти вечером – а он уже другой. Немного выше. Лист больше. Стебель вытянулся.

И тогда возник вопрос, который будет возвращаться ко мне всю жизнь: *откуда семечко знает, кем ему стать?*

Почему семя дыни не пытается стать виноградом? Почему из огуречного семени вырастает именно огурец? Где находится инструкция?

Сегодня я знаю слова: ДНК, гены, клеточное деление, биохимия, гормоны растений, свет, влага, температура. Но в пять-шесть лет я просто стоял над банкой и думал: как из сухого семечка получилось живое?

Когда растения подросли, мы с мамой вынули их из банок и пересадили в огород. Под землёй всё это время происходила своя жизнь: белые корни, тонкие ответвления, остаток того самого семени.

Я смотрел и думал: вот оно как. Снаружи я видел зелёный росток, а всё это время строилась вторая половина растения, которой я вообще не видел.

Позже другие люди будут оставлять во мне уже другие семена: слова, идеи, религиозные представления, любовь, страх, книги, научные теории. Некоторые прорастут. Некоторые погибнут. Некоторые придётся самому вырвать с корнем.

Но тогда мне было достаточно одного открытия: в маленьком сухом семечке каким-то образом уже спрятано будущее.

Глава 4. Дедушка знает всё

От нашего дома до дедушки было недалеко – пять, может быть, семь минут спокойным шагом. Мы жили на одной улице, только её пересекала главная дорога, соединявшая районы.

В конце этого маленького маршрута жил человек, который, как мне тогда казалось, знал ответы почти на всё.

Его звали Иван Андреевич.

Когда мамин ответ казался мне слишком коротким, вопрос постепенно перекочёвывал к дедушке.

Он не отмахивался. Я приходил, начинал своё «деда, а почему?..», и если разговор обещал быть длинным, Иван Андреевич останавливался, садился во дворе на лавочку, начинал крутить махорку, улыбался – и только потом отвечал.

Мне особенно запомнилась эта последовательность: лавочка, махорка, небольшая пауза, а потом рассказ.

Дедушка работал в нефтяной разведке. Искал месторождения, в том числе далеко от Молдовы. Его профессия была связана с тем, чего не видно на поверхности. Ты смотришь на обычную землю, а где-то глубоко под ногами может находиться то, что человеку ещё только предстоит обнаружить.

Сегодня мне даже кажется символичным, что именно такой человек стал моим первым главным собеседником. Он всю жизнь искал то, что скрыто под поверхностью. А я приходил к нему с вопросами о том, что скрыто за поверхностью мира.

Я всегда знал его на костылях. Ребёнок принимает близких такими, какими впервые их увидел. Для меня он не был прежде всего человеком, потерявшим ногу. Он просто был дедушкой: высоким, спокойным, с махоркой и ответами.

Однажды из разговоров открылся другой Иван Андреевич – тот, который работал в Сибири, в тайге, где-то в районе Лены, куда смены доставляли вертолётами.

Он рассказывал об аварии на нефтеразведке. На объект прислали молодого специалиста, а у дедушки уже был огромный практический опыт. Иван Андреевич предупреждал, что процесс идёт неправильно и может случиться беда.

Однажды ранним утром он увидел вокруг установки белое газовое облако. Он спокойно разбудил людей и вывел их из опасной зоны.

Дальше я помню рассказ именно так, как слышал ребёнком: дедушка надел плотную ватную одежду, старался исключить любую искру, запустил один из мощных двигателей установки, потом остальные – он называл их танковыми – и сумел привести систему в действие, чтобы закрыть скважину.

Люди остались живы. За этот поступок дедушку наградили; дома хранилась грамота или награда, которую видели родственники. Точное название я сейчас не хочу придумывать.

Уже во время работы над этой книгой брат и сестра помогли восстановить ещё одну часть семейного рассказа. По их памяти, награждение происходило прямо на месте буровой: прилетели люди из Москвы, фотографировались с Иваном Андреевичем, а кто-то из руководителей сказал ему примерно: «Понадобится что-нибудь – обращайтесь». Точная должность этого человека и название награды в семейной памяти не сохранились.

Позже на другой точке дедушке долго не присылали необходимые детали. Тогда, по семейному рассказу, он сам полетел в Москву. Обычного буровика не хотели пропускать дальше охраны, и он показывал фотографию с награждения и документы, переходя из кабинета в кабинет, пока не добрался до человека, который мог принять решение.

Запчасти и материалы в итоге отправили к месту работ железной дорогой, а Иван Андреевич вернулся самолётом. Семейная фотография и наградные документы когда-то существо-

вали, но до меня не дошли, поэтому место, год и фамилии людей я пока оставляю без уточнений.

Самое поразительное было даже не содержание рассказа, а то, как он его рассказывал: спокойно, без хвастовства, будто речь шла о сложной поломке, которую однажды пришлось устранить.

Позже дедушка вернулся в Молдову. И уже здесь, работая в колхозе, произошёл другой несчастный случай: механизм зацепил штанину, и он потерял ногу.

Так тот Иван Андреевич, которого я знал ребёнком, оказался на костылях.

Но даже у дедушки однажды закончились ответы. Это произошло, когда мои вопросы стали уходить всё дальше от земли – к звёздам, Млечному Пути, Вселенной.

Он в какой-то момент сказал: «Вот вырастешь, пойдёшь в школу. Там тебе всё объяснят».

Я поверил. Значит, ответ существует. Просто я пока ещё слишком маленький, чтобы его получить.

Тогда я ещё не подозревал, что школа действительно даст мне огромное количество знаний, но произойдёт неожиданное: чем больше ответов я буду получать, тем больше будет становиться вопросов.

Глава 5. Парасковья

История дедушки в Сибири не закончилась аварией. Был ещё один человек, который изменил его судьбу, – моя бабушка Парасковья.

Когда очередная вахта вернулась домой, Ивана Андреевича среди приехавших не было.

Связь тогда была совсем другой. Не было телефона в кармане, нельзя было написать «ты где?», нельзя было хотя бы увидеть, что сообщение прочитано. Телеграмма могла идти долго или не дойти вовсе.

У Парасковьи были данные, где он остался: сначала нужно было добраться до определённого города, потом найти конкретную деревню или посёлок.

Она не была человеком, привыкшим самостоятельно пересекать огромную страну. Но решила ехать сама.

Дома оставались дети – мой отец, его сестра и старший брат. По сути, за ними присматривала вся улица: несколько соседских семей, родные, люди, которые заходили друг к другу и помогали.

Парасковья проделала большой путь с пересадками – самолёты, автобусы, незнакомые города. Точный маршрут семейная память не сохранила, но главное осталось.

Она добралась до нужного места. Вышла на остановке и начала спускаться в деревню.

И вдруг услышала стук молотка.

Кто-то чинил забор.

Удар. Ещё один. Ещё.

Она пошла на звук – и там оказался Иван Андреевич.

После тысяч километров, пересадок, чужих городов и неопределённости она нашла мужа не по телефону, не по координатам, а по стуку молотка.

Если бы эту сцену придумали для романа, кто-то наверняка сказал бы: слишком красиво. Но иногда семейная память именно так и устроена. Из огромного события она сохраняет один звук.

В Сибири дедушке предлагали продолжить обучение и закрепиться там. Перед ним могла открыться другая жизнь. Но теперь перед ним стояла Парасковья.

Она проделала весь путь сама. И после этой встречи его сибирская история начала подходить к концу.

Он вернулся домой.

Позже я много раз увижу, как дорога меняет судьбу. Дедушка уехал на тысячи километров – и перед ним открылась одна жизнь. Бабушка проехала те же тысячи километров – и вернула его в другую. Потом в Москву поедет мой отец. Потом по этой дороге поедем мы.

Но тогда всё это ещё только начиналось. С женщины по имени Парасковья, которая однажды решила: если муж не вернулся домой – значит, я сама пойду его искать.

Глава 6. За этой тканью

В доме у отца была библиотека. Среди книг я однажды нашёл школьный учебник астрономии для старших классов. Я не знаю, кому он принадлежал и почему оказался там. Мне было примерно шесть или семь лет.

Книга была на русском языке. В тот период я в основном учился и читал на молдавском, русский понимал, но сложный текст воспринимал фрагментами. Зато там были картинки.

Луна. Планеты. Солнечная система. Звёзды. Схемы пространства.

Я перелистывал страницы и чувствовал, что передо мной снова открывается дверь. Только теперь она вела не в землю и не внутрь растения. Она вела вверх.

Учебник я к дедушке не таскал. Рассматривал дома, а вопросы приносил ему потом: что такое Млечный Путь? Есть ли жизнь у других звёзд? Что дальше?

Но ждать школы было трудно. Настоящий учебник астрономии каждую ясную ночь находился прямо над нашим домом.

Чтобы попасть на своё место, я с земли поднимался по наружной лестнице на балкон, оттуда – по крутой железной лестнице на чердак, а затем через небольшой оконный проём без стекла выбирался на маленькую часть крыши.

Никакого матраса не было. Я ложился прямо на тёплый после жаркого дня шифер, а голову прислонял к оконной раме.

Родители знали о моих ночных походах. Мама переживала, чтобы я не сорвался. Если поздно вечером меня не было в кровати, искать долго не приходилось.

Она выходила на балкон и звала: «Костя, спускайся. Пойдём спать».

Иногда было уже далеко за полночь. Час. Может быть, два.

Ночью посёлок менялся. Оставались сверчки, ветер, редкий лай собак. Перед нашим домом проходила дорога между лугом и полем. Иногда вдалеке появлялся свет одной машины, она проезжала – и снова тишина.

А над всем этим было небо.

Отец показывал мне Большую Медведицу и другие ориентиры. По моему детскому воспоминанию, он мог даже примерно определять время по положению звёзд. Потом, оставшись один, я пытался повторить: найти знакомый рисунок, посчитать звёзды, проследить самолёт, дождаться падающей звезды.

Главный вопрос звучал просто: а где конец?

Допустим, лететь всё дальше: мимо Луны, дальше планет, звёзд, Млечного Пути. Когда-нибудь ведь должно появиться что-то последнее.

Я представлял какую-то границу. Почти ткань. Стену. Последний слой. И тут же возникал следующий вопрос: *а что за этой тканью?*

Если там есть ещё пространство, значит, это уже не конец. Если там ничего нет – что такое «ничего»? И как оно может находиться где-то?

На этом месте детский разум словно упирался в предел собственных возможностей. Но вместо страха я чувствовал восторг.

И ещё у меня была уверенность, которую я тогда никак не пытался доказывать: мне казалось естественным, что где-то там тоже есть жизнь.

Я смотрел на звезду и думал: интересно, а там сейчас такие же люди, как мы? Или другие? Почему мы не можем к ним долететь? Сколько до них километров? Почему они не приходят к нам в гости?

О световых годах я ещё не думал. Для меня существовали обычные километры. Очень много километров. Но если это просто расстояние – значит, когда-нибудь его можно преодолеть.

Я лежал на тёплом шифере. Внизу находились дом, мама, отец, брат, сестра, сад, кролики, грецкий орех – весь мой знакомый мир. А наверху существовало пространство, в сравнении с которым всё это становилось почти невидимой точкой.

Семечко показало мне, что огромная тайна может скрываться внутри малого. Небо показало обратное: сам я нахожусь внутри чего-то настолько огромного, что даже не способен представить его границы.

И между этими двумя бесконечностями – внутрь и наружу – находился я. Маленький мальчик на крыше, который просто хотел понять, где всё это начинается.

Глава 7. До моей памяти

Я часами пытался представить начало и конец Вселенной. Но была одна история о моём собственном начале, которую я помнить не мог. Её мне рассказала мама.

Я родился 3 июня 1990 года в Кантемирском районе Молдовы. Наш посёлок назывался Вишнёвка.

Я родился семимесячным.

В ночь на 3 июня землю снова тряхнуло после сильной серии Вранчанских землетрясений тех дней. Мама была дома. Испугалась, схватила старшего брата, вместе со всеми спустилась по лестнице и вышла на улицу.

После этого ей стало плохо. Соседи вызвали скорую, и начались преждевременные роды.

Утром, примерно около восьми часов, я появился на свет.

Дальше начинается часть истории, которую я могу передавать только со слов семьи. Сам я её, конечно, не помню.

Мама рассказывала, что после рождения состояние было крайне тяжёлым. Мне не обеспечили необходимое тепло, быстро возникли серьёзные проблемы с дыханием; в семье это называли тяжёлой пневмонией. Без медицинских документов я не хочу восстанавливать точный диагноз.

Первые три дня моей жизни прошли в маленьком районном роддоме. Мама вспоминала главного врача, который говорил ей примерно одно и то же: «Он не жилец. Дайте ребёнку спокойно уйти».

Для врача, возможно, это был прогноз. Для мамы – её сын. И две эти реальности не могли совпасть.

Её практически не пускали туда, где лежали новорождённые. Поэтому она делала единственное, что могла: сторожила дверь. Ждала. Слушала. Пыталась понять по движениям врачей, жив ли я ещё.

По её рассказу, в какой-то момент в помещение вошла группа молодых практикантов. Им показывали состояние умирающего недоношенного ребёнка. За дверью стояла его мать.

К третьему дню врачи почти не верили, что я выживу. По семейному рассказу, главный врач даже попросил отца приехать с коробкой.

И именно тогда из Кишинёва экстренно прилетела медицинская бригада на вертолёте – но не за мной. За другим ребёнком.

Мама увидела врачей в коридоре и подошла к ним: «Заберите и моего».

Один молодой врач спросил фамилию, зашёл внутрь и отсутствовал довольно долго. Примерно через двадцать минут он вышел и уже нёс меня.

Маме дали подписать бумаги о риске транспортировки. Она подписала. Какие ещё у неё были варианты? Оставить меня там означало согласиться с тем, что ей говорили последние три дня.

Меня увезли в Кишинёв.

После перевода дома появился новый ритуал: каждый вечер звонил телефон. Из центра сообщали о моём состоянии.

Первая неделя была самой тяжёлой. Врачи не давали прогнозов. А примерно со второй недели тон звонков изменился: «Идёт на поправку. Всё хорошо. Состояние улучшается».

Мама ещё не могла меня увидеть. Но впервые могла ждать не смерти, а возвращения.

Через полтора-два месяца родители один раз увидели меня через стекло. Раньше приехать и увидеть полноценно не получалось: мама тяжело восстанавливалась, центр был карантинным, связь с ребёнком оставалась почти только телефонной.

Когда состояние стабилизировалось, звонки стали реже. Маму снова вызвали на работу. По образованию она была технологом, связанным с животноводством и контролем молока, но после распада СССР работала там, где была работа, – в том числе на складской и распределительной работе.

Отец отвечал за сельскохозяйственную технику, а конец лета и начало осени были для него тяжёлым сезоном уборки урожая.

Внутри семьи закрепилась простая мысль: пока ребёнок находится в Кишинёве под наблюдением врачей, ему лучше.

Так прошло примерно три с половиной месяца.

А потом поздно вечером позвонил врач. Разговор был другим. Он осторожно расспрашивал, всё ли в порядке в семье и почему ребёнка до сих пор не забирают.

По маминому воспоминанию, врач сказал, что есть семья, готовая принять ребёнка, если родителям действительно настолько трудно, что они не могут его забрать.

Мама сначала даже не поняла, а потом расплакалась: «Да вы что, серьёзно? Мы завтра же приезжаем. Мы забираем своего ребёнка домой».

На следующий день поехали мама, папа и водитель.

При рождении, по семейной памяти, я весил примерно полтора килограмма. К выписке – около пяти.

Меня вынесли: белые волосы, голубые глаза, очень светлая кожа. Отец, сам немного смуглее, даже растерялся: «Это вообще наш?» Мама сомнений не испытывала. Она посмотрела – и узнала.

В центре были женщины, которые кормили детей грудным молоком. Когда меня вынесли в коридор, они сказали: «Ой, жаль, уходит наш прекрасный мальчик».

Мама остановилась и спросила, почему они так говорят. И только тогда узнала, как всё это время за мной ухаживали.

Отец вышел, нашёл ближайший ларёк, купил цветы и шоколад, чтобы поблагодарить женщин.

Потом меня посадили в машину и впервые повезли туда, что станет моим первым настоящим миром: дом, двор, сад, мама, отец, брат, сестра, животные, деревья, поля.

Через несколько лет именно там я однажды открою глаза ранним утром и впервые запомню собственное существование.

Глава 8. Имя

В самой ранней медицинской карточке у меня было другое имя – Евгений. Эта карточка до сих пор хранится дома.

Странное ощущение – видеть документ, который относится к тебе, но в котором написано имя человека, которым ты никогда себя не помнил.

Примерно через месяц после возвращения домой родители решили меня крестить. Мама пришла в церковь с именем, которое выбрала до рождения: Евгений.

Но священник неожиданно сказал: «Нет. Будет Константин».

Почему именно так, сегодня я точно сказать не могу и не хочу додумывать за него. Но имя осталось.

Уже после крещения мама вспомнила ещё одну деталь, которой в день моего рождения почти не придала значения. Примерно через двадцать минут после меня в том же роддоме родилась девочка. Врач тогда что-то шутливо сказал про Константина и Елену.

Мама не жила церковным календарём и не знала, почему эти два имени могли прозвучать именно 3 июня. Для неё это была просто фраза врача, быстро потерявшаяся среди куда более серьёзных событий тех дней. Только после крещения, услышав от священника имя Константин, она вспомнила ту старую шутку и уже задним числом увидела в ней свой духовный смысл.

Я не знаю, насколько точно спустя годы сохранилась формулировка врача. Но сама история о девочке, родившейся почти одновременно со мной, в нашей семье осталась. Через восемнадцать лет она неожиданно вернётся.

Значительно позже я узнал ещё одно совпадение. Я родился 3 июня 1990 года, в воскресенье. В тот день православный календарь соединял Троицу и память равноапостольных Константина и Елены по старому стилю.

Мама собиралась назвать меня Евгением. В первые месяцы я был Евгением в медицинской истории. А при крещении стал Константином.

Я не знаю, следует ли видеть в этом знак. Сегодня мне гораздо интереснее не объявлять каждое совпадение посланием, а наблюдать, что оно делает с человеком, когда он его замечает.

Позже я начну обращать внимание и на саму дату: 03.06.1990. На сочетания трёх, шести и девяти. В определённый период жизни мне будет казаться, что в числах скрывается особый смысл.

Но тогда ничего этого ещё не существовало. Не было нумерологии, предназначения, духовной биографии. Был ребёнок, который выжил и получил имя.

Константин.

О детском саде я почти не рассказывал. Не потому, что там ничего не происходило – просто большая часть тех дней растворилась в обычной детской жизни.

Но два кадра память всё-таки оставила.

Первый – каша, которую почему-то нужно было обязательно доесть, даже если всем своим видом ты уже сообщил взрослым, что ваши отношения с этой кашей закончены.

Второй – обязательный дневной сон.

Как и во многих детских садах того времени, после обеда все должны были лечь и спать. Я этому процессу сопротивлялся как мог. Но однажды всё-таки уснул – и, видимо, очень крепко.

Когда открыл глаза, вокруг было непривычно тихо. Я помню большие окна детского сада и пустые кроватки вокруг.

Первой мыслью было посмотреть за окно, будто по свету можно понять, сколько времени прошло. А следом пришёл почти детский ужас: неужели сестра забыла меня забрать?

Тогда именно она обычно приходила за мной.

Я уже успел испугаться, когда с улицы донеслись детский смех и голоса. Все давно проснулись и вышли гулять. Меня просто решили не будить.

Тревога исчезла почти мгновенно.

ОТ АВТОРА

Есть одна деталь о памяти, которую я хочу оставить здесь отдельной пометкой.

Примерно через девятнадцать лет после тех событий, в одном случайном разговоре за столом среди родственников, я начал рассказывать отдельные эпизоды прошлого. За столом сидели как раз те люди, которые сами были участниками этих событий.

Сначала все посмеялись.

Но ненадолго.

Кто-то довольно быстро сообразил, о каком времени идёт речь, и спросил примерно так:

– Подожди… а ты вообще должен это помнить?

Я сознательно не буду приводить здесь точный возраст и цифры. Не хочу превращать несколько страниц книги в спор о границах детской памяти.

Скажу только одно: сам факт тогда удивил не только родственников. Он удивил и меня.

Поэтому, рассказывая о самых ранних годах, я не пытаюсь доказать, что каждое воспоминание сохранилось во мне с фотографической точностью.

Я лишь честно передаю те картины, которые почему-то остались.

Глава 9. Первый класс

1 сентября 1997 года я пошёл в первый класс. Мне было семь лет.

В школу меня повела мама. С нами шёл брат, а рядом – целая компания ребятишек с нашей улицы.

На мне были чёрные брюки, белая рубашка, чёрные туфли. За спиной – портфель или рюкзак. Цвет его память уже не сохранила.

Школа была длинным трёхэтажным зданием советского типа. В ней были отдельные кабинеты химии, биологии, физики, математики, информатики и классы для младших школьников.

В тот год сформировали три первых класса: два молдавских и один русский. Мама долго выбирала, куда меня отдать. Вокруг говорили, что страна будет всё больше переходить на национальный язык и с русским в будущем могут возникнуть сложности. Поэтому я пошёл в молдавский класс.

До школы я уже немного читал и считал. Кажется, со мной занималась старшая сестра.

Первую учительницу, по моей памяти, звали Светлана Гавриловна. Она запомнилась очень доброй.

В школе мне понравилась упорядоченность. Новые знания. Сам урок. Запах свежей краски. Доска. Мел. Учебники.

Я был открыт к этому миру.

Но одновременно впервые почувствовал, что знания и система – не одно и то же.

До школы я мог встать и пойти туда, куда в этот момент тянуло любопытство: к щенкам, в сад, на орех, к дедушке, на крышу.

Теперь нужно было сидеть за партой. Поднимать руку. Ждать звонка. Делать домашнее задание даже тогда, когда голова хотела заниматься чем-то другим.

Появилось и новое разделение. Кто-то «хороший ученик». Кто-то «слабый». Кого-то хвалят, кого-то ругают. Оценки особенно внимательно контролировал отец; мама относилась к этому спокойнее.

Сегодня взрослый я может назвать это первым опытом сравнения и разделения. Но семилетний ребёнок не думал словом «дуальность». Он просто впервые замечал: оказывается, людей здесь начинают измерять.

И всё же школа не была врагом. Она открывала новые двери. Просто очень скоро я начал чувствовать: программа отвечает не на все вопросы, которые меня действительно волнуют.

Весной первого класса в Молдове рано пришла жара. И вместе с ней появился другой мир – водохранилище за посёлком.

Глава 10. Водохранилище

В конце посёлка, примерно в километре-полутора, находилось водохранилище, когда-то построенное для местного завода. Со временем оно превратилось почти в большое озеро. Там появилась рыба, туда ходили купаться.

Для нас это было место свободы.

В жаркие дни там собиралось чуть ли не полпосёлка детей – старшие, младшие, мои ровесники. Стас. Гриша. Николай. Ваня. Кристя. Ещё много имён, которые память может вернуть, если попросить.

После школы мы обычно сначала бежали домой, переодевались, брали велосипеды – и только потом ехали к воде.

Я уже мог держаться на плаву и плавать, но ещё не умел спокойно лежать на спине и отдыхать. Водохранилище было глубоким, без плавного входа, и удерживаться на воде требовало сил.

Иногда я заглатывал воду.

Она была далека от прозрачной: мутная, серо-жёлтая, местами с синеватым оттенком. В водохранилище попадала вода из речки, проходившей через весь посёлок.

Но ребёнок не думает о качестве воды. Жарко. Все купаются. Значит, купаемся и мы.

Так продолжалось примерно неделю.

Сразу после купаний ничего необычного я не чувствовал.

А потом наступило утро выходного дня.

Мы со старшим братом пошли в сад. Было около десяти часов. И вдруг у меня резко заболел живот.

Я оставил брата, пошёл в туалет. Стало хуже. Потом добрался до того самого уличного крана, возле которого мама мыла фрукты, открыл холодную воду и начал умываться.

Хотелось, чтобы от холода стало легче.

Не стало.

Я добрался до дома и лёг.

Уже тогда начались странные образы с закрытыми глазами. Не люди и не сцены, а текучие формы: пятна, переливы цветов, пульсирующие массы. Они расширялись, сжимались, схлопывались, превращались одна в другую. Иногда возникало что-то похожее на тонкую трубу, которая то расширялась, то возвращалась назад.

Тогда я не знал слов «интоксикация» или «изменённое восприятие». Для ребёнка всё происходящее было просто пугающей реальностью.

Я лёг примерно в десять-одиннадцать утра. Мама нашла меня только ближе к двум-трём часам дня.

Я долго убеждал её: «Мам, всё хорошо. Я посплю. Сейчас приду в себя».

Она увидела другое. На улице стояла жара, а я достал из шкафа толстое тёплое одеяло и полностью укутался. Меня знобило.

Когда мама попыталась поднять меня, я был совершенно ватный. Попросил воды.

Она поняла: это не просто живот.

Глава 11. Перед пустотой

Мама позвала соседку – тётю Пашу. Взрослые решили, что я чем-то отравился. Дома приготовили большое ведро воды с марганцовкой, поставили таз и попытались промыть мне желудок.

Это была домашняя попытка помочь, типичная для того времени. На какое-то время мне будто стало легче. Я снова лёг спать.

Все надеялись, что утром станет лучше.

Стало хуже.

Рано утром мама вошла в спальню и заплакала. За одну ночь я изменился настолько, что она почти не узнала собственного ребёнка.

Она подняла меня на руки и побежала по нашей улице к медпункту.

У одной из калиток стоял сосед. Он увидел её: «Что случилось?» – «Косте плохо».

Он забрал меня из её рук, и дальше они побежали вместе.

Медпункт только открывался. Было около восьми утра. Там работала Аня Иванова – мама моего одноклассника Гриши.

Она посмотрела на меня и сказала маме: «Вера, мальчишка умирает на глазах».

Я уже то появлялся, то исчезал. Сознание словно начинало мигать.

Один из следующих кадров памяти – кушетка в медпункте и громкий голос Ани Ивановой по телефону.

После распада Советского Союза дежурную скорую перенесли в соседний посёлок. Она требовала немедленно прислать машину. Оттуда ответили, что нет бензина.

И тогда она сорвалась: «Тут ребёнок умирает, а у вас бензина нет?!»

Следующий кадр. Я снова открываю глаза. Машина поднимается по дороге напротив нашего дома. С одной стороны – луг, с другой – поле. Тот самый пейзаж, который ещё недавно был всем моим миром.

Теперь я смотрел на него из медицинской машины. Рядом мама, Аня Иванова, другие взрослые. Я уже почти не разговаривал.

Потом снова темнота.

Кантемирская районная больница. Молодой мужчина в белом халате несёт меня на руках и буквально бежит по территории.

Одно отделение. Другое. Врачи не сразу понимают, что происходит. Из инфекционного отправляют в другое отделение, там возвращают обратно. Кто-то говорит об инфекции, кто-то – о почках.

Для ребёнка всё выглядело проще: взрослые куда-то бегут и не знают, куда меня положить.

Последнее чёткое воспоминание – взрослая полная медсестра, которая уверенно отдаёт команды: капельницы, быстрее, ещё что-то.

После этого – ничего.

Около пяти дней моей собственной жизни существуют для всех, кроме меня.

Глава 12. Пять дней, которых нет

Около пяти дней мама приезжала ко мне каждый день. Её пускали прямо к кровати. Она держала меня за руки, наблюдала, разговаривала с врачами. Вечером уезжала домой последним автобусом.

Я этого не помню.

Эти дни существуют только в рассказах других людей.

Меня подключили к нескольким капельницам. По семейной памяти, не хватало какого-то важного раствора или препарата. Точное название я пока не хочу восстанавливать по догадкам.

Одна из медсестёр инфекционного отделения была хорошей знакомой мамы. Она не стала говорить врачебным языком и прямо сказала: всё очень плохо. Ребёнок может не выйти из комы. Если выйдет – возможны тяжёлые последствия. Нужно срочно искать деньги на лечение или перевод.

Маме нарисовали картину, в которой почти не оставалось хороших вариантов.

Она собиралась идти к нескольким местным обеспеченным людям, связанным с землёй и хозяйством. В посёлке их воспринимали почти как местных олигархов; кто-то давал деньги под высокий процент.

Пока я лежал между бессознательностью и возвращением, за пределами больницы уже складывались события, смысл которых наша семья поймёт только позже.

Пока же внутри больницы существовала другая граница: сознание вернулось раньше, чем тело.

Глава 13. Когда вернулся свет

Первое воспоминание после комы – ночь.

Я открываю глаза. Рядом сидит молодая практикантка и решает кроссворд.

И здесь детская жизнь возвращается совершенно неожиданным образом: первое, что я почувствовал, увидев её, – какая она красивая. Мне казалось, что я влюбился мгновенно.

Она заметила, что я очнулся, наклонилась: «Тихо-тихо-тихо…», позвала старшую сестру. Мне что-то ввели, и я снова уснул.

Утром началось настоящее возвращение.

Я проснулся и попытался встать. И понял: ноги не слушаются.

Началась паника. Где мама? Почему я здесь? Почему я не могу подняться?

Я вывалился с кровати, потянул за собой стойку с капельницей и на локтях выполз из первой палаты. Рядом была небольшая комнатка, где разносчики еды раскладывали кашу и обед по тарелкам.

Я завернул туда и услышал женский крик: «Тут пациент под ногами!»

Меня быстро подняли и вернули обратно.

Но на этом восстановление не началось по прямой. Состояние снова резко ухудшилось.

По рассказам мамы, меня перевели на третий этаж в специальную комнату. Там была кровать для больных, которые уже не могут самостоятельно себя обслуживать. Я снова начал периодически отключаться, не мог ходить в туалет, был почти обездвижен.

Потом исчезло зрение.

Как именно это произошло, я не помню. Этот период вообще не сохранился как последовательность дней. Он остался одной длинной тяжёлой ночью.

Глаза сильно реагировали на свет. Несколько дней они были закрыты повязкой. Врачи предупреждали маму о возможной инвалидности и потере зрения, и какое-то время худшие прогнозы будто начинали подтверждаться.

В больнице многое ложилось на родственников. Старшая сестра училась в Кантемире и после занятий приходила ко мне. Она вручную стирала мои вещи и бельё, потому что тяжёлое состояние организма требовало постоянного ухода.

Сегодня я думаю об этом иначе. Она сама была ещё очень молодой. Но после учёбы шла не гулять, а в больницу стирать вещи младшего брата.

Из того тёмного периода мне особенно запомнился один человек. Точнее – один голос.

Это была медсестра. Её лица я не видел. Но каждое утро она подходила и спрашивала: «Как Костенька сегодня поспал?»

В её голосе было тепло. У неё самой были дети. В мире, который на время стал темнотой, человек существовал для меня только голосом. Я не знал, как она выглядит, но знал: она добрая.

А потом однажды ночью началась сильная гроза.

Я проснулся от грома. Снаружи бушевал ветер. Ветки высокого дерева били в стекло. И вдруг комната на мгновение осветилась.

Молния.

Потом ещё одна.

Я видел свет в комнате, движение веток, вспышки за окном. Но не понял, что произошло что-то необычное. Просто смотрел.

Утром пришла та самая медсестра: «Как Костенька сегодня поспал?»

Я ответил: «Хорошо. Только немножко страшно было. Гром… сверкало сильно».

Она вдруг остановилась.

– Подожди. А ты это всё видел?

Наверное, только тогда настоящее открытие произошло не у меня – у неё.

Я видел.

Зрение вернулось.

После этого по отделению пошёл разговор. Медсестра называла меня «чудо-ребёнком».

Я не знаю, каким медицинским процессом объяснялось восстановление зрения и насколько неожиданным оно было для специалистов. Без документов мне не хочется доказывать сверхъестественное чудо.

Но для людей, которые несколько дней слышали прогноз о возможной слепоте, утром это действительно выглядело именно так: вчера ребёнок не видел, а сегодня между делом сказал «я видел молнию».

Ходьба вернулась так же странно для моей памяти. Я не помню долгих тренировок или первого шага с поддержкой. Как будто из плёнки вырезали несколько кадров. В одном я лежу. В следующем – встаю и иду.

Возможно, восстановление было постепенным, просто детская память его не сохранила.

Но внутри осталось ощущение: тело возвращалось частями. Сначала сознание. Потом свет. Потом ноги. Потом обычная жизнь.

Позже я буду много думать о душе и сознании. Но уже тогда тело молча показало мне: его нельзя просто исключить из этого разговора.

Глава 14. Человека больше нет

К тому времени я уже снова мог ходить и разговаривать. Мама приходила каждый день и рассказывала, что происходит дома и в посёлке.

Однажды она сказала, что в эту же больницу попал наш сосед Христофор – дядя Кристя.

Я знал его совсем другим. Он жил напротив. Был сдержанным, аккуратным, не слишком разговорчивым. Любил сидеть вечером на лавочке перед домом и смотреть на закат.

Позже тётя Таня рассказывала маме один эпизод из моего раннего детства. Летом я носился по улице в одних шортах, весь в пыли. Семья Христофора ужинала во дворе. Он позвал меня к столу. Свободного места не оказалось, и этот человек, которого все знали как очень чистоплотного, просто посадил грязного мальчишку к себе на колени и стал кормить куриным супом.

Когда Христофор попал в больницу, я не связывал это ни со своей болезнью, ни с собственным выздоровлением. Я просто знал: сосед тоже здесь.

Он боролся около двух суток.

Ночью медсестра пришла взять у меня кровь из пальца. И между обычными больничными действиями сказала:

– Умер ваш сосед.

Я сразу понял, о ком она.

Первым чувством было даже не столько горе, сколько отрицание.

– Как это – умер? Получается, я больше никогда его не увижу?

В восемь лет слово «никогда» ещё трудно помещается в голове. Передо мной мелькали обычные сцены, связанные с этим человеком. Особенно лавочка перед домом и закаты, которые он любил встречать.

Дом останется. Лавочка останется. Закаты будут приходить ещё много лет. А человека, который сидел и смотрел на них, больше не будет.

Тогда я не строил из этого никаких выводов. Мне просто впервые пришлось попробовать понять очень простую и очень тяжёлую вещь: человека можно больше не увидеть вообще.

Глава 15. Женщина у калитки

Когда мне стало лучше, у мамы впервые появилось немного сил вернуться к обычной жизни.

Отец в это время был далеко от дома. Он уехал на заработки, но связь с ним почти пропала, и мама не знала, где именно он находится и что с ним происходит.

Под вечер она посмотрела на огород. Ряды заросли. Жизнь не остановилась из-за того, что один ребёнок лежал в больнице. Овощи продолжали расти. Сорняки тоже.

Мама взяла тяпку и позвала моего старшего брата Ваню. Он сам был ещё мальчишкой и совсем не хотел проводить вечер в огороде.

Через некоторое время он начал капризничать:

– Мам, хочу уже домой.

Мама ответила:

– Ванечка, давай добьём последние ряды.

А потом, как она позже вспоминала вместе с Ваней, вдруг произнесла странную фразу. Почти дословно:

– Сейчас поднимемся, у калитки будет женщина и скажет: «Здесь живёт Вера Фельчук? Ваш муж передал пятьсот долларов».

Они продолжили работать.

Прошло минут пять. Может быть, семь. Мама закончила последний ряд и отложила тяпку.

И со стороны дома послышался женский голос:

– Здесь живёт Вера Фельчук?

У калитки стояла незнакомая женщина. Рядом её ждало такси.

Мама подошла и открыла калитку.

– Здравствуйте. Ваш муж…

Женщина сделала паузу и полезла в сумочку.

В эти несколько секунд в маминой голове успели промелькнуть десятки мыслей. От отца давно не было нормальных известий. Может быть, сейчас ей скажут, что он погиб. Может быть, эта женщина – его любовница. Может быть, всё это время он знал о семье больше, чем говорил.

Женщина достала деньги.

– Ваш муж передал вам пятьсот долларов. Он сказал, что ваш младший сын сейчас в тяжёлом состоянии.

Для нашей семьи тогда это была огромная сумма. Деньги действительно пошли на моё лечение.

Но мама почти не слышала остального. Её потрясло другое: несколько минут назад она сама произнесла почти те же слова.

Женщина уже торопилась к машине. Мама словно пришла в себя в последний момент:

– Подождите! А что с ним? Где он?

Женщина уже садилась в такси. Обернулась и сказала:

– Он вам всё сам расскажет.

Дверь закрылась. Машина уехала. Женщина исчезла так же быстро, как появилась.

Мама осталась у калитки с пятьюстами долларами в руках. Ответов не стало больше. Но появился один факт, за который можно было держаться: отец был жив.

Глава 16. По ту сторону забора

Вторую половину этой истории я узнал значительно позже – от отца.

Чтобы понять, как отец вообще оказался за тем забором, нужно вернуться к тому времени. После распада Советского Союза привычная система работы и заработка для многих семей рассыпалась. Отцу, как и тысячам других мужчин, пришлось искать новые возможности далеко от дома.

При этом отец ехал не как человек без профессии, который соглашался на любую работу. У него было высшее образование. В разные годы он даже преподавал, а позже много лет работал в снабжении и руководил этим направлением. По работе он много ездил и летал, представляя своё направление практически по всему бывшему Советскому Союзу, и привык решать технические и организационные задачи.

Поэтому предложение работать за компьютером и выполнять инженерные расчёты звучало для него вполне профессионально и знакомо. Для человека его склада это не выглядело авантюрой. Он думал, что едет на нормальную работу, где сможет зарабатывать своим умением и помогать семье.

Но когда он оказался на месте, всё изменилось. По его рассказу, документы у него забрали. То, что начиналось как обычная поездка на заработки, оказалось ловушкой: работать разрешали, а свободно уйти – уже нет.

На закрытой территории были и другие люди, оказавшиеся в похожем положении. Работа шла, деньги платили. В этом и заключался странный парадокс: заработок был, а свободы распорядиться собственной жизнью почти не было.

Однажды отцу удалось сбежать. Он добежал до полиции и рассказал, что людей удерживают против воли. Полицейские спросили, сможет ли он показать место.

Он сел в их машину. Подъехали к воротам. Ворота открылись, полицейская машина заехала внутрь – и, по словам отца, его просто вернули обратно.

Я не могу независимо проверить эту историю и не знаю, кто стоял за тем местом. Я знаю только рассказ человека, который потом вернулся домой.

Внутри закрытой территории люди жили слухами. Каждая новая информация распространялась мгновенно: кого-то отпустили, поменялся руководитель, возможно, скоро начнут выпускать женщин.

По словам отца, человек, который руководил этой системой, умер, а на его место пришёл молодой родственник. Новый человек оказался мягче и начал отпускать женщин, многие из которых тоже давно не видели детей.

Отец быстро узнал: одна из освобождаемых женщин едет в Молдову.

Это был путь домой – не для него самого, хотя бы для денег.

Он попросил её взять пятьсот долларов. Она отказалась. Брать чужие деньги в той обстановке было опасно. Отец просил снова и снова – по его памяти, почти двое суток.

Он знал, что у женщины тоже есть дети. Перебирал разные аргументы. И в какой-то момент ему неожиданно пришла фраза:

– У меня младший сын тяжело болен.

Почему именно младший сын? Почему «тяжело болен»? Отец потом не мог объяснить.

У него не было нормальной связи с домом. Поэтому после разговора он чувствовал вину: будто соврал женщине и надавил на самое болезненное – на её материнство.

В день освобождения она уже стояла с сумкой у выхода. В последний момент быстро подошла к отцу:

– Давай деньги. И делаю это только ради сына.

Он отдал ей пятьсот долларов.

Женщина вышла за ворота. Отец остался внутри.

И ещё не знал, что фраза, которую сам считал почти придуманным аргументом, была правдой.

Глава 17. Он вернулся

К концу того лета наша жизнь постепенно возвращалась в норму.

В один из обычных дней мы все были на улице. Я играл со щенками. Их было шесть. Я зачем-то собрал всех в одну кучу, возился с ними, а собака-мать нервно ходила рядом.

Я помню этот кадр почти фотографически.

Щенки. Земля. Мама. Брат.

И вдруг возле дома остановилась машина.

Из неё вышел отец.

Мы его не ждали. Я и брат буквально окаменели. Несколько секунд просто смотрели и не понимали, что делать.

Отец открыл калитку и вошёл.

Мама первой побежала к нему. Но из неё вырвались не слова радости, а месяцы страха, обиды и неизвестности:

– Ты всё знал! Ты знал, что Костя в больнице! Что он в тяжёлом состоянии! Как ты мог?

Отец остановился у калитки и слушал в полном недоумении.

Для мамы всё было очевидно: если женщина привезла деньги со словами о тяжело больном младшем сыне, значит, отец знал.

А отец в эти секунды впервые узнавал, что слова, которые он считал отчаянным выдуманным аргументом, совпали с реальностью.

Потом мы с братом всё-таки побежали к нему.

У отца были три огромные сумки.

Мы вошли в дом и начали их разбирать. Там были подарки.

И моя детская память после всей взрослой драмы внезапно переключается на одну вещь:

Папа привёз Dendy.

Очень скоро началась школа. После больницы, комы, разговоров взрослых и возвращения отца главным моим страданием стало совсем другое: уроки мешали скорее добежать домой и включить приставку.

Мы с братом исчезли для домашних дел. Если раньше нас нужно было искать на улице или в саду, теперь всё было проще: мы сидели перед телевизором с джойстиками в руках.

Наверное, это и был самый верный признак того, что жизнь снова стала обычной.

Глава 18. Ангел, которого я не видел

Про Бога и ангела-хранителя мама говорила мне столько, сколько я себя помню.

При этом нашу семью трудно было назвать церковной. Мама не ходила регулярно на службы, как некоторые женщины в посёлке. Бабушка и дедушка тоже не водили меня в храм систематически.

Мама могла сказать перед сном или после очередной детской глупости:

– У тебя сильный ангел-хранитель.

До болезни это было одной из тех фраз, которые ребёнок просто принимает от взрослого. Есть мама. Есть папа. Есть Бог. Есть ангел. Хорошо – и побежал играть.

После лета 1998 года фраза зазвучала иначе.

Я слышал, как мама рассказывала знакомым женщинам и подругам:

– Его только ангел спас. У него сильный ангел-хранитель.

Взрослые говорили о коме, зрении, ногах, прогнозах врачей. И почти всегда рядом появлялся ангел.

Примерно к девяти годам эта идея перестала быть только маминой.

Я действительно был там, откуда, по словам взрослых, мог не вернуться. Я не понимал медицины. Но знал: произошло что-то очень серьёзное – и я остался здесь.

Вопрос начал меняться. Не только «есть ли у меня ангел?», а «если он есть – кто он? Можно ли его почувствовать? Почему одних спасают, а других нет?»

Так интерес к невидимому миру стал уже моим собственным.

Глава 19. За дверью

В церковь меня никто специально не приводил. Всё началось почти случайно через одноклассника Семёна. Для меня он был просто Сеня.

Он рассказал, что ходит на вечерние службы и помогает там. Иногда – за алтарём.

Само слово «алтарь» меня зацепило. В церквях я бывал и раньше, но как ребёнок, которого привели взрослые. Теперь я пришёл с собственной целью.

Первые две вечерние службы я оставался в общем зале, а Сеня исчезал за закрытой дверью.

Иногда он выходил вместе с батюшкой и ещё одним молодым помощником. Каждый раз находил меня глазами. Мне казалось, он без слов говорил: потерпи, всё будет хорошо.

После службы мы шли домой вместе. Он жил на верхней улице, я – на нижней, и часть пути совпадала.

Я спрашивал: почему меня ещё не позвали? Сеня успокаивал. Рассказывал, что другого мальчика батюшка тоже сначала несколько вечеров наблюдал, а потом пригласил.

После второй службы я уже ждал третью.

В конце третьей, когда люди расходились, батюшка сам подошёл ко мне.

Он спросил очень мягко:

– Не хочешь послужить церкви и Господу Богу?

Я ответил почти мгновенно:

– Да. Да, да.

Он пригласил меня уже на полноценную утреннюю службу.

То утро я помню по сердцебиению. Я знал: сегодня дверь действительно откроется.

Сеня вошёл внутрь привычно, переодевался и занимался своими делами. Батюшка поставил меня у порога, показал место и стал объяснять правила.

Как входить. Где стоять. Когда ждать. Что нельзя делать.

Одной из самых ответственных наших обязанностей были угли для кадила. Они должны были быть готовы в нужный момент.

Для взрослого это небольшая техническая часть службы. Для мальчишки – серьёзная миссия.

Несколько недель назад я смотрел, как Сеня исчезает за дверью. Теперь дверь закрывалась уже за моей спиной.

Глава 20. Внутри нового мира

Первые месяцы мне нравилось почти всё.

Новые запахи. Ладан. Воск. Дым кадила.

Постепенно у нас появилась своя церковная одежда по размеру. Мы зажигали толстые свечи. В определённые моменты батюшка выходил через центральные двери, а мы – через боковые, совершали обход по храму и возвращались обратно.

У каждого движения был порядок. Своё время. Своя последовательность.

Тогда я ещё не спрашивал, почему всё устроено именно так. Меня захватывала интрига: что будет дальше? Что означает этот предмет? Почему сейчас нужно выйти именно отсюда?

Мне казалось, что чем глубже я войду внутрь, тем ближе окажусь к ответам.

Но примерно через год начали появляться первые трещины.

Батюшка во время службы оставался для меня духовным авторитетом. В обычной жизни я всё чаще видел в нём просто человека – с бытовыми заботами, раздражением, своими слабостями.

Сегодня в этом нет для меня ничего удивительного. Священник и должен оставаться человеком. Но для ребёнка два образа плохо складывались в один.

У батюшки был брат, о котором взрослые рассказывали совсем другие истории – о хулиганстве и проблемах. Я не могу проверять эти рассказы спустя годы, но тогда само соседство двух настолько разных образов тоже вызывало вопросы.

А потом церковь ограбили.

Глава 21. Первые трещины

Кто-то аккуратно проник внутрь и вынес из алтаря несколько предметов, которые выглядели позолоченными или ценными.

Но меня поразило не само ограбление.

Некоторые женщины, постоянно находившиеся при храме и певшие в хоре, начали подходить ко мне с жёсткими лицами:

– Это ты украл.

Я помню их глаза. Злость. Уверенность, будто приговор уже вынесен.

Это были те же люди, которых я видел на каждой службе. Те же голоса, которые пели о Боге, добре, грехе и правильной жизни.

Через два дня настоящего вора поймали. По моей памяти, им оказался другой мальчишка из неблагополучной семьи.

Формально всё закончилось. Я был ни при чём.

Но внутри что-то уже сдвинулось.

Ещё раньше я замечал, что некоторые из этих женщин в обычной жизни были нервными, конфликтными, раздражёнными. Теперь я впервые ясно увидел: внешняя религиозность сама по себе не делает человека добрее.

Я не отверг Бога. Я начал сомневаться в людях, которые говорили от Его имени.

Я прошёл за закрытую дверь – и обнаружил, что за дверью тоже были люди.

Глава 22. Тайна, которой не оказалось

После ограбления я ещё какое-то время продолжал ходить в церковь. Не было громкого ухода и решения «больше не верю». Всё происходило тихо.

Я стал замечать вещи, которые раньше проходили мимо. Например, деньги. Люди приходили крестить ребёнка, отпевать умершего, совершать другие обряды, и за это существовала определённая плата.

Сегодня я понимаю: у священника есть семья, дом, обычная жизнь, и ему тоже нужно на что-то жить. Я не хочу превращать этот эпизод в обвинение церкви в коммерции.

Но ребёнком я видел иначе. Для меня батюшка был служителем Бога, а Бог никак не соединялся с денежной ставкой.

Я очень остро переживал чужую боль. Хотелось всем помочь, всех пожалеть. Поэтому подобные противоречия особенно цепляли.

Через некоторое время тот священник уехал, пришёл другой. К этому моменту я уже пропустил одну службу, потом вторую. Снова появились мальчишки, двор, игры, обычная жизнь.

И однажды я просто заметил, что больше туда не хожу.

Но главная причина была глубже.

Я пришёл в церковь за тайной.

Почему человек рождается? Почему умирает? Что находится после смерти? Почему существует мир? Почему вода течёт? Почему камни такие? Почему есть звёзды?

В моей голове постоянно жило одно слово: почему?

За год я научился порядку службы, знал запах ладана, свечи, угли, выходы и правила. То, что когда-то было загадкой, стало повторяющимся кругом.

Церковь дала мне слова: Бог, душа, грех, ангел, спасение, вечность.

Но она почти не дала той карты мира, которую я искал.

Не исчез Бог. Очеловечился мой образ тех, кто говорил о Нём.

И мой взгляд снова повернулся наружу: если ответы не здесь – значит, нужно искать дальше.

Глава 23. Другая дверь

В пятом классе появилась новая дверь.

В нашей школе ещё сохранялись специализированные кабинеты советского времени – биологии, географии, физики, химии. Многие из них уже почти не использовались постоянно: кабинеты стояли запертыми, а учителя чаще приходили в обычные классы.

На первом уроке биологии преподаватель повёл нас наверх и открыл старый кабинет.

Я вошёл и остановился.

Микроскопы. Скелеты животных. Банки и ёмкости с образцами. Стенды с насекомыми: комары, мухи, бабочки. Яркие карты. Строение человеческого тела. Органы, кости, мышцы.

Многие подписи были на молдавском, но слова в тот момент вообще не были главным. Мне хотелось просто смотреть.

Кабинет казался маленьким музеем, который долго стоял закрытым и вдруг открылся специально для нас.

Через несколько минут мы вернулись в свой класс. Урок продолжился.

Но мысленно я остался наверху.

Совсем недавно меня притягивала дверь алтаря. Теперь открылась другая. Только здесь существовал прибор, через который на невидимое можно было посмотреть.

Глава 24. Мир в капле

Микроскоп появился не сразу. Прошёл примерно месяц или полтора. Сначала мы изучали теорию: одноклеточные организмы, бактерии, клетки.

Потом однажды учитель пришёл с микроскопом.

Он приготовил препарат, показал, как повернуть зеркало и поймать свет, настроил резкость. Ученики по очереди подходили к окуляру.

Когда подошёл я, то буквально окаменел.

В обычной капле, которая снаружи выглядела почти пустой, что-то двигалось. Шевелилось. Перемещалось. Жизнь буквально бурлила.

Я оторвался от окуляра. Посмотрел на стекло – просто капля. Снова заглянул внутрь – целый мир.

Мир не заканчивался там, где заканчивалась способность моих глаз его видеть.

После этого биология стала одним из моих главных увлечений.

Я читал материал дома заранее, хорошо отвечал на уроках, задавал много вопросов. Но была и вполне практическая цель: снова получить доступ к микроскопу.

Своего микроскопа у меня не было, и для семьи это была дорогая вещь. Школьный прибор стал моим окном в микромир.

Учитель заметил интерес и иногда приглашал меня после уроков в кабинет. Показывал, как готовить образцы.

Дома я оставлял кусок хлеба в тёплом пакете, чтобы появилась плесень, приносил её в школу и рассматривал грибные структуры. Мы готовили настои с соломой и наблюдали микроорганизмы. Снимали тонкую прозрачную плёнку с луковицы и видели клеточную структуру.

Для обычного глаза плёнка была почти пустой. Под микроскопом появлялись границы клеток, порядок, устройство.

Особенно меня увлёк фотосинтез. Я готовил эту тему почти как отдельную защиту.

И где-то здесь новый мир неожиданно соединился с банками земли на нашем балконе и первым зелёным ростком.

Когда-то я спрашивал: откуда семечко знает, кем ему стать?

Теперь биология начала показывать, что происходит внутри. Но каждый ответ рождал ещё несколько вопросов.

Глава 25. Человек, который почти не улыбался

Сам преподаватель биологии был примерно метр семьдесят ростом, плотного среднего телосложения. Если смотреть только внешне – обычный взрослый мужчина.

Но в школе его считали немного чудиком.

Он почти не улыбался. Мог войти в класс, закрыть дверь и сразу сказать:

– Вставай. Домашняя тема.

Никаких длинных вступлений. Урок начинался сразу.

Он мог быть резким. Иногда говорил нам: «Вы ещё приматы», подчёркивая, насколько человеку ещё нужно развиваться.

Очень ярко объяснял вред алкоголя и никотина. Не просто морализировал, а разбирал, что происходит с организмом. Мог посмотреть в окно и сказать примерно: «Посмотрите, во что человек постепенно превращается».

Сегодня я бы не измерял его словом IQ. Я просто понимаю, что у него была огромная база знаний.

Позже я слышал много историй о его бывших учениках, которые приходили в колледжи и институты с необычно сильной школьной подготовкой. Некоторые затем уходили в серьёзную медицину.

Но мне тогда не нужны были чужие достижения, чтобы понять его ценность.

Он был новым источником знаний.

Мне не нужно было, чтобы он улыбался. Мне было достаточно, что он знает и готов отвечать.

Глава 26. То, чего тоже не видно

Биология была не единственной вселенной, которая открывалась в детстве.

Параллельно существовало электричество.

Первый телевизор я попытался починить ещё совсем маленьким. Брал паяльник, открывал корпус, смотрел на плату и искал то, что отличалось от остальных деталей: почернело, перегрелось, выглядело повреждённым.

По соседству жил мамин родной брат, увлекавшийся радиотехникой. У него лежало огромное количество старых плат. С разрешения я перебирал их и искал деталь, похожую на сгоревшую – по размеру, форме, цвету.

Сегодня, будучи инженером-электриком, я понимаю, насколько наивным был такой подбор.

Но тогда я выпаял похожий элемент, поставил его в телевизор – и по моей детской памяти телевизор заработал.

Я ещё не понимал, почему он заработал. Но уже почувствовал: невидимую причину можно искать по видимому следствию.

В конце нашей улицы жил ещё один радио- и телемастер. Я ходил и к нему с вопросами.

У одного взрослого узнавал, как устроен старый кинескопный телевизор. У другого – как работает антенна.

И вот здесь случился новый взрыв.

Мне объяснили, что радио и телевидение передают сигнал через пространство.

Как – через воздух?

Я смотрел перед собой. Ничего. Пустота. Ни проводов, ни дорожек.

Но где-то работает передатчик. Через пространство идёт электромагнитная волна. Антенна принимает её. Радио превращает сигнал в голос, телевизор – в изображение.

Под микроскопом я увидел жизнь там, где глаз видел пустую каплю. Радио показало информацию там, где глаз видел пустой воздух.

И количество вопросов начало расти быстрее, чем количество ответов.

Часть II. Расширение карты

Глава 27. Москва стала больше

Летом 2004 года мне исполнилось четырнадцать. Почти сразу после дня рождения мы с папой сели на поезд из Молдовы в Москву.

Сама дорога уже была событием. Стук колёс, жара в вагоне, Украина, станции, вечерние города за окном. Поезд шёл дальше и дальше, и у меня было не чувство страха, а интрига – будто я ехал за границу собственного мира.

До этого расстояние можно было измерить знакомыми улицами, полем, дорогой до школы или велосипедом до соседнего посёлка. Теперь земля за окном менялась часами. Я смотрел и думал только одно: что там дальше?

Особенно хорошо помню выход с Киевского вокзала. Москва обрушилась сразу: поток машин, автобусы, люди, огромные дома, шум и запах выхлопных газов. После моего посёлка было ощущение, будто меня бросили в кипящий котёл, где всё одновременно куда-то движется.

Мы добрались до места, где стояла папина машина, и поехали в сторону Подмосковья, под Звенигород. Там отец к тому времени построил дом на части большого участка Ирины Николаевны – женщины, с которой его связывала многолетняя дружба и очень сильная интеллектуальная близость.

Мама в тот московский период тоже была рядом с нами, хотя память именно этого лета почему-то особенно ярко удержала папу, Ирину Николаевну и те новые миры, которые через них открывались.

Ирина Николаевна встретила меня так, будто ждала давно. Если сегодня попытаться описать её одним словом, я бы сказал: гармония. Мягкий, немного протяжный голос, спокойная манера говорить и ощущение внутренней глубины, которую подросток не умеет объяснить, но хорошо чувствует.

Её дом казался мне маленьким музеем. Библиотека, необычные вещи, коллекция монет. У неё было много повторяющихся экземпляров, и однажды она просто отдала мне целую массу дублей. Так во мне проснулась любовь к коллекционированию. Позже я продолжу собирать монеты и однажды повезу обратно в Молдову почти пять килограммов металла, ценность части которого осознаю только спустя годы.

Там же у меня впервые появился настоящий доступ к персональному компьютеру. Компьютеры я видел намного раньше – ещё ребёнком, когда в школьном кабинете информатики появились первые машины. Но там можно было только посмотреть и немного прикоснуться. Здесь компьютер был рядом каждый вечер, и я часами разбирался, как он устроен и что вообще умеет.

Днём Ирина Николаевна показывала мне окрестности, речки, озеро, дороги. Вечером рассказывала истории из своей жизни. А потом буквально на две с лишним недели стала моим настоящим проводником по Москве.

Мы почти каждый день садились на электричку и ехали в город. Кремль, Оружейная палата, Алмазный фонд, Храм Христа Спасителя, набережные, музеи, Третьяковская галерея, Пушкинский музей, Останкинская башня, экспозиции, связанные с космосом. Я видел капсулу Гагарина, Белку и Стрелку, древние предметы, картины, золото, архитектуру – всё сразу.

Сегодня я понимаю, что список мест почти ничего не объясняет. Главное было в другом: за две недели на меня обрушился огромный поток цивилизации. История, искусство, техника, религия, космос, богатство, архитектура – всё существовало одновременно и в масштабах, которых я раньше не чувствовал.

Я тогда ещё не собирал картину. Я просто накапливал.

Глава 28. Пани ванда

Примерно через полторы недели после моего приезда к Ирине Николаевне приехала её подруга из Польши – пани Ванда. Им обеим тогда было примерно по шестьдесят.

Пани Ванда была невысокой, спокойной, с чуть более выразительной интонацией, чем у Ирины Николаевны. В ней тоже было что-то медитативное, но я почти сразу добавил к этому другое слово: загадочная.

С первой встречи она смотрела на меня необычно долго. Не грубо и не настороженно. Скорее так, будто пыталась рассмотреть не внешность, а что-то ещё. Я не понимал причины внимания, но хорошо его запомнил.

В поездках по Москве Ирина Николаевна оказалась ещё и переводчиком. Сначала объясняла мне по-русски, что мы видим перед картиной, экспонатом или зданием, потом поворачивалась к пани Ванде и продолжала по-польски. Пани Ванда понимала русский и немного говорила сама, но сложные разговоры шли в основном на польском.

По утрам в электричке они часто говорили о вещах, смысла которых я не понимал, но по тону чувствовал: темы серьёзные. Именно там я впервые увидел небольшой маятник. Они что-то с ним проверяли, сравнивали, обсуждали. Разумеется, я тут же спросил.

Ирина Николаевна ответила примерно так: «Костя, вот будет тебе двадцать один. Если мы не потеряем связь и ещё встретимся – я обязательно расскажу тебе, о чём мы сейчас говорим». Для четырнадцатилетнего человека это был почти идеальный способ разжечь любопытство ещё сильнее.

Примерно через неделю произошёл разговор, который совсем выбил папу из равновесия. После очередной поездки в Москву Ирина Николаевна и пани Ванда пригласили его вечером в небольшую беседку. Через час или полтора позвали и меня. Позже, уже дома, папа рассказал суть взрослой части разговора.

Пани Ванда предложила забрать меня с собой в Польшу. Не на каникулы. Серьёзно. Хорошая школа, дом, условия; родители смогут приезжать, а при необходимости она постарается помочь им устроиться рядом.

От меня эту тему не скрывали. Пани Ванда и сама говорила со мной о переезде. Ирина Николаевна передавала мне слова о хорошем будущем, сильной «ауре», «поле», «энергии». Сегодня я не выдаю этот язык за физическое описание человека. Тогда же это было ещё одно новое объяснение невидимого.

Меня предложение не столько польстило, сколько напугало. Первая мысль была очень простой: как я оставлю свой мир? Маму, папу, брата, сестру, друзей, школу, Молдову? За несколько минут передо мной появилась дверь, в которую предлагали не заглянуть, а войти полностью.

Через два дня папа окончательно отказал. Я присутствовал при разговоре. Вопрос казался закрытым.

Но на вокзале, уже перед самым отъездом, пани Ванда ещё раз повернулась ко мне и спросила: «Кость, ты готов прямо сейчас поехать?» Я посмотрел на папу. На его лице уже было напряжение и раздражение, которое сегодня я понимаю гораздо лучше: для меня это была загадочная развилка, а для него – его ребёнок.

Перед отъездом пани Ванда подарила мне небольшой зелёный камень и попросила всегда носить его с собой. Вернувшись домой, я положил коробочку на полку возле телевизора, рядом с книгами. Примерно через два дня открыл – и увидел, что камень внутри раскололся на множество частей.

Папа сказал, что не трогал его. Почему камень раскололся, я не знаю. У минерала могла быть внутренняя трещина, мог повлиять перепад температуры или обычная хрупкость. Но четырнадцатилетний я воспринял событие иначе.

Я вдруг очень ясно почувствовал: процесс завершился. Я остаюсь здесь. И я на правильном пути.

Это было не рассуждение и не доказательство. Скорее внутреннее знание, почти физическое ощущение, которое тогда не требовало для меня объяснений. Сегодня я осторожнее с такими выводами. Но само переживание было настоящим.

Глава 29. Пирамида

В то же лето на участке Ирины Николаевны стояла ещё одна вещь, которая мгновенно вернула меня к старому вопросу о космосе, – пирамида. Не египетская, конечно, а большая каркасная конструкция из четырёх граней с площадкой внутри.

Один или два раза мы лежали там вместе. Потом я мог заходить сам, когда хотел. Ирина Николаевна рассказывала о «резонансе»: в её картине мира напряжение нарушает энергетическое равновесие человека, а пирамида, словно антенна, настраивается на определённые частоты пространства и помогает вернуть гармонию.

Сегодня я не называю это физикой. Но в четырнадцать лет слова «космос», «частота», «резонанс» и «энергия» моментально соединялись с моими старыми вопросами. Я начал засыпать Ирину Николаевну вопросами.

И произошло почти то же, что когда-то с дедушкой. Она не оборвала меня. На следующее утро за завтраком оложила передо мной книгу о пирамидах – с историей, схемами, размерами, практическими описаниями конструкций.

Я нашёл размеры и побежал к папе. Папа умел строить почти всё, поэтому для меня вопрос был не «можем ли мы?», а «когда построим свою?» Я долго ходил за ним с этой идеей. Он обещал. Свою пирамиду мы так и не построили.

Зато Ирина Николаевна однажды утром вдруг оживилась и с почти детской искрой сказала: «Виктор Иванович, я вспомнила, куда можно отвезти Костю. Показать ему настоящую пирамиду». Она была человеком с широким кругом знакомств и знала множество необычных мест.

Через пару дней мы поехали на Новорижское шоссе к большой закрытой пирамиде. Внутри продавались сувениры, вода, разные предметы. Папа задержался у прилавка, Ирина Николаевна что-то рассматривала, а я почти сразу оторвался от них и пошёл один.

Я обходил внутреннее пространство и всё время смотрел вверх. Ирина Николаевна говорила, что где-то выше должен быть ещё один уровень или площадка, построенная по той же логике. Я искал глазами лестницу, подъём, след конструкции – ничего не находил.

Но это почти не имело значения. К тому времени Египет уже давно существовал в моём воображении: книги, фильмы, фараоны, музейная экспозиция с мумией и древними предметами. И теперь, стоя внутри современной пирамиды в Подмосковье, я вдруг почувствовал себя так, будто действительно шагнул в Египет.

Разум прекрасно понимал: вокруг Россия, дорога, лес. Но пространство совпало с образом, который много лет жил внутри. На несколько минут четырнадцатилетний я чувствовал себя чуть ли не фараоном.

Мы вышли, сфотографировались на фоне пирамиды. Эта фотография сохранилась у меня до сих пор. Потом заехали в большой магазин, купили продукты и вернулись домой. Несколько минут назад я мысленно был в Древнем Египте, а теперь сидел в машине среди пакетов. Жизнь очень быстро возвращала меня на землю.

После отъезда пани Ванды оставшаяся часть лета стала тише. У Ирины Николаевны была немецкая овчарка Марго; у неё появились щенки, и одного я позже увёз в Молдову. А ещё было озеро. В жаркие вечера мы ходили купаться, и именно Ирина Николаевна научила меня лежать на спине и доверять воде.

За несколько недель я увидел слишком много, чтобы успеть всё понять. Поэтому я просто впитывал.

Когда через несколько месяцев я вернулся в родной посёлок, он стал маленьким. Не «показался» маленьким – я физически ощущал его иначе. Сам посёлок не изменился. Изменился масштаб внутри меня.

Наверное, впервые я так ясно почувствовал: среда меняет человека. Можно уехать одним и вернуться в то же место уже с другой картиной мира.

Глава 30. Физика, которую я не любил

Осенью 2004 года я вернулся в Молдову и пошёл в восьмой класс. После огромной Москвы жизнь снова сузилась до знакомой школы, кабинетов и уроков – только сам я уже смотрел на них немного иначе.

С физикой у меня были странные отношения. Биологию я любил. Математику – нет. А физика слишком часто требовала именно того языка, который мне не нравился: формул, расчётов, аккуратных чисел.

Однажды преподаватель предложил классу практическую задачу. Представьте тоннель. В середине одна лампа. Человек входит с одной стороны, включает свет, проходит тоннель и должен выключить лампу уже на другом конце, не возвращаясь назад.

Учитель пообещал высшую оценку – десятку по молдавской системе – тому, кто сможет сделать рабочее решение.

Сегодня я знаю: это обычное управление освещением из двух мест, схема с проходными переключателями. Тогда такого термина я не знал. Зато понимал, как работает двухпозиционный тумблер, и точно знал, где найти нужные детали у дяди.

Я пришёл домой, взял кусок фанеры, лампочку и два переключателя. Минут за десять собрал модель тоннеля. На следующий день принёс в школу, подключил – включил с одной стороны, выключил с другой. Всё заработало. Десятку я получил.

Но преподавателя, кажется, больше заинтересовала не оценка, а то, как я решил задачу. Он предложил не останавливаться и собрать что-нибудь серьёзнее.

Так на доске постепенно появился целый маленький объект автоматики. Я собирал всё, что находил в дядиной радиобарахолке: реле, блоки, датчик дыма, сейсмический датчик, элементы сигнализации, лампы.

При условном возгорании включалось дымоудаление – в роли вентилятора работал маленький кулер от компьютерного блока питания. Для имитации пожаротушения я взял автомобильный насос омывателя, пластиковые ёмкости, трубки и шланги. Насос действительно перекачивал воду.

Это был не рисунок системы. Она по-настоящему работала – только в миниатюре.

Датчик фиксировал событие. Реле переключало цепь. Включался исполнительный механизм. Сейчас я понимаю, что на той доске уже существовал принцип, который много лет спустя станет обычной частью моей профессии: датчик – логика – исполнительное устройство.

Учитель предложил показать макет в соседней крупной школе. Мы приехали, продемонстрировали систему ученикам. Директор попросил оставить её для школьной технической экспозиции или уголка радиолюбителя. Я оставил. Что с макетом стало потом, не знаю.

После этой истории по нашей школе и посёлку разошёлся слух, что я умею чинить технику. Домой к маме начали приносить пылесосы, чайники и другие приборы. В восьмом классе у меня уже были все шансы открыть маленькую мастерскую.

Но ремонт как заработок меня тогда не увлёк. Я чинил только своим – сестре, её подруге, тёте, близким. Мне было интереснее не получить деньги, а понять, почему вещь перестала работать и как вернуть её к жизни.

По школьным оценкам я мог не любить физику. Но инженер внутри уже говорил своим языком.

Глава 31. Когда мир раскрылся слоями

В том же восьмом классе появилась химия.

Кабинет химии был беднее биологического, больших демонстрационных опытов я почти не помню. Поэтому открытия происходили иначе – через теорию и узнавание знакомых вещей вокруг.

Ржавый металл. Уксус и пищевая сода. Изменение цвета. Пузырьки. То, что раньше выглядело обычной бытовой вещью, вдруг получало название: химическая реакция.

Материя не просто существует. Она взаимодействует, окисляется, соединяется, перестраивается.

Особенно запомнилась тема атомов и молекулярной массы. На коротком школьном отрезке я практически знал таблицу элементов и относительные атомные массы наизусть.

После микроскопа я уже понял: в капле есть клеточный мир. Химия показала, что сама клетка состоит из ещё более маленького мира – молекул и атомов.

Ядро. Протоны. Нейтроны. Электроны вокруг ядра.

Я только заглянул внутрь клетки – а там снова открылась дверь.

Биология показывала жизнь. Электричество – невидимую силу и передачу информации. Химия – превращение вещества.

И всё это пришло почти одновременно.

Информации становилось слишком много, но мне не хотелось, чтобы её стало меньше. Я боялся упустить деталь.

Сегодня я понимаю, что тогда произошёл фундаментальный запуск исследователя.

Я не просто собирал факты. Я пытался собрать из них единую карту.

Мне казалось: мир обязательно должен складываться в единую картину. Нужно только найти все её части.

Глава 32. Дирижёр

В те же школьные годы, чем глубже я заходил в биологию, тем меньше меня устраивали отдельные факты.

Кто управляет сердцебиением? Почему сердце не забывает сокращаться? Почему одна клетка становится частью кожи, другая – мышцы, третья – нервной ткани? Почему организм не рассыпается в хаос?

Учитель отвечал языком биологии. Он не уходил ни в религию, ни в мистику.

На вопрос «откуда клетка знает, кем ей стать?» он говорил о биологических реакциях, внутренних механизмах и биологических часах.

Это были ответы. Но для меня – не последние.

Хорошо. А откуда взялся сам этот порядок?

Сегодня я бы сказал: я искал не отдельный механизм, а принцип организации.

Я искал дирижёра реальности.

При этом сам учитель дал мне огромный спектр знаний о человеческом организме: мозг и нервная система, память, речь, координация, эндокринная система, восстановление тканей.

Меня поражало, насколько много тело делает без моего сознательного участия.

Я сплю – сердце работает. Не думаю о пищеварении – оно происходит. Не отдаю клеткам команду восстанавливаться – ткани всё равно обновляются.

В школьной модели нам показывали области мозга, связанные с речью, памятью, координацией. Сегодня я знаю, что реальная нейронаука сложнее простой схемы «одна зона – одна функция», но для подростка сама идея уже была потрясающей.

Чем яснее становилась механика организма, тем сильнее звучал вопрос: *если передо мной такой огромный оркестр – где партитура?*

Глава 33. Мой живой кабинет

Учебный год закончился. Следующее лето, 2005 год, было разделено на две части. Сначала мы с папой приехали поездом в Москву и остались в квартире на улице 1905 года. Отец работал в городе, поэтому ежедневно ездить из Подмосковья было неудобно.

Первые дни пришлись на рабочую неделю. Папа уже на следующее утро ушёл на работу, а я остался один. Не боялся выходить – скорее не хотел создавать ему лишнее напряжение. Мобильный телефон у меня уже был, но постоянного контроля звонками тогда ещё не существовало.

Я помню странное спокойствие тех дней. Огромная Москва была вокруг, но моё пространство сначала ограничивалось домом и ближайшими улицами. Потом папа однажды показал мне маршрут к Московскому зоопарку.

И начался мой собственный учебный день. Почти месяц я ходил туда снова и снова – утром уходил и возвращался к вечеру. Сначала как посетитель. Потом уже как человек, который знает каждый поворот.

В школе животный мир был рисунками, таблицами, скелетами и названиями видов. Здесь он дышал, ел, спал, злился, смотрел на меня в ответ. Я мог подолгу стоять возле одного животного, уйти, вернуться и заметить что-то новое.

Однажды девушка в кассе, заметив одного и того же подростка который день подряд, осторожно спросила: «У тебя всё нормально? Родители есть?» Я даже удивился. Конечно, есть. Просто ей, видимо, трудно было понять, зачем одному мальчику почти месяц приходить в зоопарк каждый день.

Каждый вечер я рассказывал папе, что увидел. Через какое-то время он понял: зоопарк я, кажется, исследовал уже до предела. И однажды с балкона показал мне на другое место – магазин, связанный с авиацией.

Я зашёл туда и пропал уже в другом мире. Это был одновременно магазин и маленький музей: модели, детали, двигатели, готовые самолёты. Денег у меня почти не было, и продавцы быстро поняли, что я пришёл не покупать, а смотреть. Но смотрел я очень внимательно.

На выходных мы ездили в Подмосковье, к нашему участку рядом с Ириной Николаевной. Там по соседству жил Кирилл. Его прошлое было связано с авиацией; позже я узнал, что в детстве он занимался авиамоделизмом, а взрослую жизнь тоже успел связать с авиационной профессией.

С каждым выходным мы общались всё больше. Когда я рассказал ему про авиационный магазин, два мира моментально соединились: то, что я рассматривал на полках, для Кирилла было частью реальной жизни.

Глава 34. Самолёт, которого ещё не было

В магазине меня увлекла не готовая модель. Там продавался большой набор для самостоятельной сборки: коробка, полная деревянных деталей, инструкция, элементы конструкции. Самолёта ещё не существовало. Его нужно было создать.

Сам набор стоил ещё терпимо. А двигатель по тем временам был дорогим. Я ждал папину зарплату, кажется, сильнее, чем он сам. Когда деньги появились, папа сделал вещь, масштаб которой я гораздо лучше понимаю сегодня: оставил в магазине примерно половину зарплаты, и мы вышли с коробкой и двигателем.

Почти сразу после этого его московский рабочий этап закончился, и оставшуюся часть лета мы жили в Подмосковье. Для меня всё пространство сузилось до Кирилла и самолёта.

Каждый вечер я приходил к нему и видел, как из россыпи реек и деталей появляется форма: фюзеляж, крыло, хвост. Кирилл был своеобразным человеком. Он объяснял всё и разрешал задавать сколько угодно вопросов, но основную точную сборку предпочитал выполнять сам.

Без настоящей работы он меня всё же не оставил. Однажды поручил изготовить топливный бак: металл, две медные трубки, пайка. Это была территория, которую я уже понимал. Я спаял бак по его указаниям и впервые почувствовал, что делаю не декоративную деталь – через этот узел двигатель действительно будет получать топливо.

Для испытания Кирилл сделал простую деревянную стойку, закрепил двигатель, бак и винт. Особенно в память врезался запах модельного топлива – эфир, касторовое масло и ещё какой-то компонент, название которого я уже не помню.

Этот запах останется со мной на десятилетия. Потом я буду много летать на обычных самолётах, и иногда похожий технический запах возле аэропорта мгновенно будет возвращать меня к той доске, маленькому двигателю и лету 2005 года.

Кирилл дал мне задачу – добиться запуска двигателя. Он не хотел заводиться. Первый день закончился ничем. На следующий я продолжил. Попыток было столько, что пальцы болели, но бросить я уже не мог. Задача превратилась в личный спор между мной и маленькой железной машиной.

И вдруг двигатель ожил. Резкий звук, дым, вибрация, запах. Я, кажется, пищал от радости. Ирина Николаевна почти аплодировала из-за забора. Папа понял, что получилось. А Кирилл вылетел из дома так быстро, что я сначала решил: что-то сделал не так.

Но на его лице была почти младенческая радость. Взрослый мужчина на несколько секунд снова стал мальчишкой, который когда-то сам запускал такие моторы.

Это была моя первая большая инженерная победа: если механизм не работает, это ещё не значит, что он не заработает.

Глава 35. Первый полёт

После двигателя оставалось закончить крылья. Их обтягивали специальной плёнкой: она натягивалась на деревянный каркас и под горячим воздухом становилась ровной, плотной, повторяя форму крыла.

Перед самым финалом Кирилл сказал: «Сейчас будет самый важный момент». Он подставил под самолёт два пальца в определённой точке и отпустил второй рукой. Модель осталась лежать на пальцах и слегка наклонилась носом вперёд.

Так он показал мне центровку. Я тогда запомнил это почти как «нулевой центр тяжести». Позже понял смысл точнее: самолёт должен быть правильно сбалансирован. Именно поэтому Кирилл так тщательно подгонял каждую деталь – красивый самолёт мог плохо лететь, если масса распределена неправильно.

Ещё одной моей задачей стала ручка управления. Две деревянные накладки, между ними алюминиевая деталь. Мы с папой втайне доводили дерево, шлифовали его, пока ручка не стала приятно лежать в ладони. К ней крепились два корда, уходившие к модели.

День первого полёта я помню особенно ярко. Перед домом Кирилла была большая открытая площадка, почти центр деревни. Стоило нам вынести самолёт, как вокруг постепенно начали собираться люди.

Кирилл встал в центре круга с ручкой управления. Самолёт держал я. Двигатель теперь запускался уже гораздо легче. По его команде я сделал несколько быстрых шагов и отпустил модель вперёд и немного вверх.

Самолёт, которого недавно не существовало, полетел.

Сначала Кирилл сам сделал несколько кругов, будто возвращаясь в собственное детство. Потом позвал меня в центр. Я взялся за ту самую ручку рядом с ним и впервые почувствовал, как небольшое движение ладони меняет положение машины в воздухе.

Дальше навык рос с каждым новым вечерним запуском. Самолёт хранился у Кирилла в почти пустом гараже: мы боялись повредить тонкую обтяжку крыла среди папиного привычного творческого хаоса, инструментов и острых предметов.

Мне быстро стало мало самой кордовой схемы. У меня была старая радиоуправляемая машинка, которая уже плохо работала, но пульт и привод оставались живыми. Я предложил Кириллу следующим летом попробовать поставить радиоуправление и избавиться от тросов.

Сегодня не так важно, насколько технически зрелой была эта идея. Мне было пятнадцать. Главное – я уже не хотел только повторять готовое. Хотел соединять разные системы, переделывать и улучшать.

Глава 36. После молнии

25 августа я уехал обратно в Молдову. На этот раз без папы. Он договорился с надёжным знакомым проводником и оформил необходимые документы на сопровождение. На границах я стоял рядом, показывал паспорт и постепенно добирался домой.

В Кишинёве меня встретила папина сестра Полина с моим двоюродным братом. Ночь я провёл у них, на следующий день они посадили меня на автобус в сторону родного посёлка.

Примерно через три недели, около середины сентября, позвонил папа.

По рассказу Ирины Николаевны, днём небо резко затянуло и началась гроза. Молния ударила прямо в дом Кирилла. Начался пожар. Огонь уничтожил помещение, где хранился самолёт, а затем добрался и до папиного дома.

Я слушал папу и чувствовал, как всё, что ещё недавно существовало перед глазами, рассыпается. Первым вопросом почему-то было: «А Ирина Николаевна? С ней всё хорошо? Её дом уцелел?»

Когда папа сказал, что да, я выдохнул. И только потом пришло другое понимание: самолёта больше нет.

Было жалко не только вещи, которую мы строили всё лето. Сгорел и проект будущего – тот самый план на следующее лето, радиоуправление, продолжение работы с Кириллом.

Самолёт сгорел вместе с проектом, которого мы ещё даже не начали.

Участок Кирилла позже продали. Через годы папа ещё поддерживал с ним связь и однажды встретил уже совсем другого человека: Кирилл глубоко ушёл в церковную жизнь и со временем стал священником.

Я не знаю, был ли пожар для него причиной этого поворота или только одной из многих ступеней. Мне легко было бы задним числом сказать: Бог забрал у него прежнюю жизнь. Но это уже интерпретация.

Факт был проще и сильнее: человек, который летом учил меня поднимать самолёт в небо, спустя годы выбрал совсем другое небо.

Вокруг меня и раньше появлялись такие фигуры: церковь, Ирина Николаевна, пани Ванда, Кирилл. Люди, после которых внутри запускалась новая цепочка вопросов. Я не хочу превращать книгу в каталог «необычных людей». Мне важны только те, после которых направление действительно менялось.

Глава 37. Кто приносит личность?

Осенью 2005 года начался девятый класс. В биологии мы подошли к теме рождения человека.

Мы изучали репродуктивную систему, зачатие, хромосомы, наследственность, развитие эмбриона.

Учитель последовательно объяснял: соединяются половые клетки, возникает первая клетка нового организма, начинается деление, формируются ткани, органы, сердце, мозг.

В биологическом смысле процесс становился всё понятнее.

И именно поэтому во мне вдруг возник другой вопрос.

– А кто насыщает эмбрион личностью?

Сегодня эта формулировка звучит необычно, но именно так я тогда чувствовал проблему.

Я хотел понять: где появляется тот, кто однажды откроет глаза и скажет «я»?

Наследственность передаёт огромный объём информации. Один набор хромосом приходит от матери, другой – от отца. Черты личности не лежат в одной отдельной хромосоме: они формируются сложным взаимодействием генов, развития мозга, среды и опыта.

Но подростком я ещё не умел разделять эти уровни.

На одном из уроков учитель использовал метафору, которая осталась со мной навсегда. Он рассказывал о новых клетках так, будто они «становятся в строй» и ждут сигнала – куда им направиться и во что превратиться.

Сегодня я понимаю, что это была образная школьная модель. Реальная судьба клетки определяется множеством сигналов: взаимодействием с соседними клетками, химическими градиентами, факторами роста, гормональными влияниями, включением и выключением генов.

Но меня тогда потрясла одна простая мысль:

Клетки обмениваются информацией.

Большинство клеток организма несут почти один и тот же геном, но работают совершенно по-разному. Какая-то система координирует, когда и какие программы должны включаться.

Механизм становился понятнее. Мой вопрос – нет.

Я чувствовал границу школьного объяснения. Не потому, что учитель был слабым. Наоборот, он дал мне слишком много, чтобы я остановился на первом ответе.

Как когда-то церковь дала мне язык Бога и души, но не закрыла моих «почему», так биология дала клетку, ДНК и сигналы – и оставила открытым вопрос о личности.

> *Если клетки собирают тело – откуда появляется тот, кто однажды будет всё это переживать?*

Тогда я ещё не называл этот вопрос словом «сознание».

Но путь к нему уже начался.

Глава 38. Август, который всё заглушил

Летом 2006 года я закончил девятый класс. Почти через сутки после выпускного мы с папой снова уехали в Москву. У него ещё оставалась мысль перевести меня учиться туда, возможно, в районе Звенигорода.

Но после пожара исчезла прежняя опора. Дома больше не было. Папа был зажат между работой, документами, поиском школы и обычной необходимостью держать собственную жизнь. Московский план не сложился.

Примерно через месяц я вернулся в Молдову. Ближе к сентябрю нужно было решать вопрос дальнейшей учёбы в Кишинёве. Старшая сестра хорошо знала город и учебные учреждения и помогала мне разбираться с этим взрослым миром документов и поступления.

Казалось бы, именно этим и должно было запомниться лето после девятого класса. Но почти всё затмил август.

Во время обычной вечерней прогулки по посёлку я увидел трёх девушек – Лилю и двух её двоюродных сестёр. В памяти они остались красивыми, яркими, будто светящимися на фоне привычной улицы.

Я быстро разузнал, кто они и откуда приехали. Сам момент начала общения память уже стёрла. Но чувство помню точно: будто чиркнули спичкой.

Роман длился около месяца. По календарю – почти ничего. Внутри – целая жизнь. Мы могли часами сидеть на лавочке возле её дома, разговаривать, молчать, ждать следующей встречи. Несколько часов ощущались как несколько минут.

В шестнадцать лет весь прежний поиск внезапно ушёл из фокуса. Космос, клетки, Бог, пирамиды, электроника, все мои бесконечные «почему?» будто выключили.

Мне впервые показалось, что весь мир может помещаться в одном человеке.

Незадолго до 1 сентября Лиля уехала обратно в Кишинёв. Я тоже начинал там новую жизнь и надеялся, что отношения продолжатся. Но наши дороги постепенно разошлись.

Много лет спустя мы всё ещё знаем друг о друге. Когда я начал писать эту книгу, я написал Лиле и спросил разрешения оставить здесь её настоящее имя. Она была приятно удивлена, что станет частью этой истории. Тогда я задал ей ещё один вопрос: «А что помнишь ты?» Мне было важно впервые увидеть тот август не только из собственной памяти.

Её ответ удивил меня точностью деталей. Она помнила день у пруда – как я взял её за руку и мы вместе пошли домой. Помнила наши прогулки по улицам села, когда, по её словам, «просто никто больше не имел значения». Помнила, как я пел ей какую-то песню, которая почему-то особенно ей запомнилась. Спустя почти двадцать лет она помнила даже мой парфюм и мой запах.

Она помнила старую скамейку соседки и наш первый поцелуй. А весь тот короткий период назвала одним словом: «космос». И написала, что частичка той истории до сих пор осталась в её сердце.

Я долго смотрел на это сообщение. До этого в книге существовал только мой август 2006 года. Теперь оказалось, что все эти годы существовал ещё один – её август. Со своей дорогой от пруда, запахами, музыкой, старой скамейкой и тем же коротким месяцем. Мы прожили его вдвоём, а потом почти двадцать лет каждый носил свою версию внутри себя.

Сегодня я вижу в том августе ещё одно знакомство. Тогда мне казалось, что я впервые встретил другого человека. Намного позже я понял: одновременно я впервые настолько сильно встретился со своей собственной способностью любить.

Глава 39. Первый вакуум

С сентября началась жизнь в Кишинёве. Новые люди, новая степень самостоятельности, электротехническое обучение. Формальные занятия сами по себе не стали для меня большим интеллектуальным открытием. Намного сильнее учила среда.

До этого вокруг меня почти всегда существовало защищённое пространство: семья, папа, знакомые взрослые, учителя, люди, которым я доверял. В Кишинёве я впервые оказался по-настоящему один среди большого потока человеческих моделей.

Мне долго казалось, что то, что я чувствую внутри себя, в какой-то форме есть и в остальных. Что если человек смотрит прямо в глаза, его словам хотя бы частично можно верить. Взрослая среда быстро разрушила эту проекцию.

Я увидел, как можно спокойно смотреть человеку в лицо и врать. Как можно входить в доверие ради выгоды. Как сильный демонстрирует превосходство над слабым. Как дружба иногда заканчивается там, где заканчивается ресурс.

Видел и совсем жёсткие сцены – когда избивали того, кто не мог ответить. Видел, как свобода без родительского контроля действовала на молодых людей по-разному: кто-то взрослел, кто-то очень быстро уходил в разрушительные сценарии. Наивностью одних пользовались другие.

Тогда мне казалось, что вокруг слишком много фальши. Сегодня понимаю: я видел не всю жизнь этих людей, а только поступки. Не понимал ещё, сколько в поведении бывает страха, нужды, воспитания, желания принадлежать группе, получить статус или просто выжить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.